

Юлия Остапенко

СЛИШКОМ

Часть сборника
Жажда снящих (сборник)

Юлия Владимировна Остапенко

СЛИШКОМ

*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=140435*

Аннотация

«– Он здесь уже слишком долго. Определённо едет мозгами. Ты посмотри только...

Родион обернулся, и шепоток за спиной сразу стих. Двое рабочих, дожидавшихся своей очереди на скамейке в углу, уткнулись взглядами в пол. Один из них был Кирилл, а другого, с бинтовой повязкой на глазу, Родион не знал. Оба ещё совсем сопляки, хотя Кирилл на Фабрике довольно давно. Не так давно, как сам Родион, конечно. Но тех, чья трудовая книжка содержит больше страниц, чем его, и так – раз-два и обчёлся. Это их бесило. Завидовали, наверное. А может, и правда считали, что у него с головой не в порядке...»

СЛИШКОМ

– Он здесь уже слишком долго. Определённо едет мозгами. Ты посмотри только...

Родион обернулся, и шепоток за спиной сразу стих. Двое рабочих, дожидавшихся своей очереди на скамейке в углу, уткнулись взглядами в пол. Один из них был Кирилл, а другого, с бинтовой повязкой на глазу, Родион не знал. Оба ещё совсем сопляки, хотя Кирилл на Фабрике довольно давно. Не так давно, как сам Родион, конечно. Но тех, чья трудовая книжка содержит больше страниц, чем его, и так – раз-два и обчёлся. Это их бесило. Завидовали, наверное. А может, и правда считали, что у него с головой не в порядке.

– Всё, – сказал санитар. – Можете идти. Повязку не мочить два дня. В четверг зайдёте ко мне, я посмотрю, нет ли воспаления. Больничный брать будете?

– Нет, – ответил Родион, и пацаны в углу многозначительно засопели. Когда он проходил мимо них, парень с повязкой ткнул Кирилла локтем в бок, но Кирилл отвёл глаза. Сам он появлялся на Фабрике только по выходным, и еженочные дежурства Родиона закономерно казались ему оголтелым трудоголизмом. Граничащим с паранойей, вероятно. А, плевать.

Рука уже почти не беспокоила – санитар сделал укол обезболивающего. Ничего, завтра наболится. Родион осторожно пошевелил перебинтованными пальцами. И как только уго-

раздило... Теперь неделю не сможет выдавать обычную норму. Остаётся надеяться, что для его двойника из *того* мира эта неделя не очень критична. Авось как-нибудь перебьётся сам.

На проходной сегодня сидел Алексей Степаныч, плешивый дедуган, любивший Родиона нежной отеческой любовью, на что Родион отвечал ему типично сыновьим хамовитым пренебрежением. Ему по горло хватало Алисиных нотаций в свободное от работы время. Поэтому Родион сунул руку в карман поглубже, но старик был редкостно глазастым на свои-то годы.

– Опять! – ахнул Алексей Степаныч. – Эх, Родион, я всё понять тебя не могу. То ли ты святой, то ли дурень, каких свет не видывал. Ну будешь ты пусть хоть бы и миллионером *там*, а тут без рук останешься. И надо оно тебе? Тебе?

– Пробивайте уже, – неприязненно сказал Родион, и старик с досадливым кряканьем прокомпостировал его трудовую книжку. Корявая дырка в графе «Смену сдал» смотрела как будто бы с укоризной. Святой или маньяк, и точно.

«Скоро уже страницы подклеить надо», – отметил про себя Родион, закрывая книжку и пряча её в задний карман брюк. Выпирала она оттуда по-дурацки, но спереди карманов не предусматривалось, а кармашки на форменной куртке были слишком маленькие.

– Чайку бы, пока переоденешься? – засюсюкал вахтёр, но Родион отмахнулся.

– Вы ж знаете, я не переодеваюсь. До свидания.

– Ты б хоть о бабе своей подумал, – жалобно сказал Алексей Степаныч, но Родион уже закрыл дверь.

Он лежал в кресле, перевесившись через подлокотник, и его тошило прямо на персидский ковёр. Красно-оранжевый, с длинным тонким ворсом. Стоит хренову кучу денег. Телефон разрывался. Мобильник давно сел.

Кто-то шумно и требовательно колотил в дверь, уже, кажется, ногами.

– Род! Открой! Мать твою! Что ты там делаешь?! Род!

Он с трудом приподнял голову, покосился на дверь, содрогаящуюся под ударами.

– Род, твою мать! Открой, кому говорят!

Он посмотрел на дверь ещё немного, потом отвернулся, и его снова вырвало.

Была уже половина восьмого, и метро оказалось порядком набито – нормальные люди только собирались на работу. Родион с трудом втиснулся в последний вагон: его едва не прищемило с натугой закрывшейся дверью, и он не мог сдвинуться ни на шаг, зажатый со всех сторон крепко пахнущими телами. Сонные взгляды вокруг прояснились и прятались, едва наткнувшись на него, а одна дамочка даже попыталась отодвинуться, чем вызвала возмущённое шиканье попутчиков. Обычная реакция, потому большинство рабочих

предпочитали переодеваться, покидая Фабрику. Но Родион и в этом был исключением: ему даже нравилась неловкость, в которую он ввергал окружающих самым фактом своего существования. Хотя он не до конца понимал, почему они так смущаются. Ведь это он маньяк, а не они. К тому же маньяк, не опасный для общества, а даже наоборот.

Станция находилась за три квартала до родной многоэтажки, и Родион зашагал бодрым маршем. Из-за визита в медпункт он задержался больше чем на час. Оставалось всего часа два на сон, а потом – вперёд, на основную... хотя нет, правильнее сказать, нормальную работу. Отдавать долг заботливой родине, предоставлявшей все возможности для беззаботного существования. Пусть и не в этом мире. Пусть и не совсем тебе.

Алиса, вопреки ожиданиям, была ещё дома – возилась на кухне. Бросила обеспокоенный взгляд на его помятое лицо, потом на руку, и её глаза стали ещё более усталыми, чем обычно. Надо бы спросить, как она спит, подумал Родион. Может, выбить талон на внесрочный приём к терапевту.

– Опять, – сказала она, в точности как Алексей Степаныч, даже тон такой же.

– Ага, – ответил Родион. – Ты когда придёшь?

Она наморщила лоб, посмотрела на него почти как сопляки из медпункта. Впрочем, она всё чаще так на него смотрела.

– Сегодня воскресенье.

– А! – он ужасно обрадовался. Чёрт, и правда же, совсем из головы вылетело. Воскресенье. Можно будет отоспаться на неделю вперёд. Спасибо нашей заботливой родине за шестидневную рабочую неделю. А почему тогда в метро столько народу было? И куда их несёт в выходной с утра пораньше? В выходной с утра пораньше надо спать...

– Есть будешь? – крикнула Алиса, пока он стряхивал ботинки – временная неработоспособность одной руки уже стала почти привычной, и это действие было доведено у Родиона до автоматизма.

– Не-а, – сказал он и потащился в комнату. Да, у них была целая комната, отдельная, причём довольно большая – кроме кровати помещался ещё шкаф и Алисино пианино. Она на нём не играла – оно осталось от старых времён, как мечта о консерватории. Вернее, память об этой мечте. В первые месяцы работы на Фабрике Родион то и дело заводил разговор о том, что *там* все мечты сбываются, но Алиса неизменно отвечала, что ей нет никакого дела до того, что *там*. Хотя Родион подозревал, что она просто слишком слабая. Да, цена высока. Но оно стоит того.

– Родион! Сними трубку сейчас же! Где тебя носит?! Там сорокатысячная толпа, и она разнесёт стадион, если ты не выйдешь! Ты слышишь меня?! Родион! Сними трубку!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.